

UDC/ЭОЖ/УДК 39/392.5
СІССТІ/FTAMP/МРНТИ 03.61

Decoration of the Bride's Horse in Qazaq Traditional Culture

Larisa F. Popova

Head of the Department of Ethnography of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan, Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: rem_larisa@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0823-0778>

Keywords: Qazaqs; wedding rituals; bride's horse; items of horse equipment; protective magic

Тірек сөздер: қазақтар; ұзату дәстүрі; қалыңдық аты; ат әбзелінің бұйымдары; тіл-көзден сақтау

Ключевые слова: казахи; свадебная обрядность; лошадь невесты; предметы конского снаряжения; магия защиты

In the traditional culture of the Qazaqs, the decoration of the bride's horse was a stable attribute of wedding rituals until the mid-1920s. The girl's dowry included the horse and its equipment, which indicated the property status of her family. Horse decoration items were produced either in the Qazaq environment or on the request of nomads in the craft centers of the agricultural oases of Central Asia, primarily in Tashkent. The reason for the presence of identical embroidered blankets in museum collections is due to this circumstance. Saddles for brides the Qazaqs brought from Bukhara; the most popular type of saddles was *qurandy yer / sart yer* with a head in the form of two twisted elements. In the eastern regions of Qazaqstan, the influence of local traditions in the design of a wedding saddle was noticeable, namely, the use of silver-plated metal plates with perforated patterns. The features of the Qazaq set of equipment for a wedding horse were using a large three-piece *at-turman* blanket along with the existence of these parts separately; preference for embroidery in decorating of textile items; the presence of a complex saddle kit, including duffel bags-pillows – *boqsha, qus-qalta, qopshik* – for transporting valuables from the dowry. One of the universal functions of wedding attributes was the magical protection of the bride. In the items under consideration, protection was achieved by using red cloth and bright floral and solar patterns in embroidery and appliqué, decorative elements of a triangular shape (the image of a *tumar* amulet), bunches of eagle owl feathers, silver overlays on leather harness straps, beads of assorted colors, silk tassels and fringes. The article introduces into scientific circulation rare museum monuments from the collections of the largest ethnographic museums in Russia - the Russian Ethnographic Museum and the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera) (St. Petersburg). We provide comparative data on the cultural practices of various peoples in Central Eurasia to complete and objectively illustrate the existence of wedding horse equipment among the Qazaqs.

For citation: Popova Larisa F. 2024. Decoration of the Bride's Horse in Qazaq Traditional Culture. *Qazaq Historical Review*, vol. 2, no. 2, 180–203 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.69567/3007-0236.2024.2.180.203>

Қазақ дәстүрлі мәдениетіндегі қалыңдықтың ат әбзелі

Лариса Ф. Попова

Кавказ, Орта Азия мен Қазақстан этнографиясы бөлімінің меңгерушісі,
Ресей этнографиялық музейі, Ресей Федерациясы

Қазақтың дәстүрлі мәдениетінде қалыңдықтың ат әбзелі 1920 жылдардың ортасына дейін ұзату дәстүрінің басты белгілерінің бірі болып келді. Ұзатылған қызға берілген ат пен әбзелі бір жағынан оның отбасының байлығын да паш етті. Ат әбзелінің бұйымдарын қазақ ұсталары да жасады. Сонымен қатар көшпенділер Орта Азиядағы, әсіресе Ташкент шаһарындағы қолөнершілерге арнайы тапсырыспен де жасатты. Мұны музейде тұрған жабулардың ұқсастығынан да байқауға болады. Қалыңдықтың ер-тоқымын Бұхарадан алдырды. Ол кезде имек тұмсық, екі басты құранды ер, сарт ер халық арасына көбірек таралды. Қазақстанның шығыс аймақтарында қалыңдықтың ер-тоқымы оюлы күміс жапсырмалармен сәнделді. Қалыңдықтың ат әбзелі негізінен сәнге арналған тоқыма мата бұйымдардан; ер-тұрман жиынтығынан және ұзатылған қызға берілетін заттар салынатын боқша, құс-қалта, көпшіктен құралады. Ұзату тойы атрибуттары қалыңдықты тіл-көзден сақтау мақсатында қолданылған. Ол үшін ұзатылатын қызға қызыл матамен қаптап тіккен ай-жұлдыз және өсімдік іспетті ою-өрнек кестеленіп, үшбұрыш (тұмар кейпінде) асыл тас қадаған, төбесіне үкінің қауырсынын тағып, түрлі-түсті моншақпен әшекейлеген,

кемер белбеуге күміс қондырып, жібек шашағы төгілген сәнді сәукеле кигізген. Мақалада Ресейдің ірі этнографиялық музейлері – Ресей Этнографиялық музейі мен РФА Антропология және этнография музейіндегі (Кунсткамера) (Санкт-Петербург) сирек кездесетін мұражай ескерткіштері ғылыми айналымға енгізілген. Қазақтардың үйлену тойында мінген атының ер-тұрманын бейнелейтін көрініспен толығырақ танысу мақсатында Орталық Еуразияның кейбір халықтарының туралы мәдеметтер де салыстыра ұсынылды

Сілтеме жасау үшін: Попова Л.Ф. Қазақ дәстүрлі мәдениетіндегі қалыңдықтың ат әбзелі. *Qazaq Historical Review*. 2024. Т. 2. № 2. 180–203-бб. (орысша). DOI: <https://doi.org/10.69567/3007-0236.2024.2.180.203>

Убранство коня невесты в традиционной культуре казахов

Лариса Ф. Попова

*Заведующая отделом этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана,
Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Российская Федерация*

В традиционной культуре казахов убранство коня невесты вплоть до середины 1920-х годов являлось устойчивым атрибутом свадебной обрядности. Конь и его снаряжение входили в состав приданого девушки и маркировали имущественное положение ее семьи. Предметы убранства коня изготавливались как в казахской среде, так и по заказу кочевников в ремесленных центрах земледельческих оазисов Средней Азии, прежде всего в Ташкенте. Это обстоятельство объясняет наличие идентичных вышитых попон-покрывал в музейных собраниях. Седла для невест привозились из Бухары – наиболее популярным был тип седла *куранды ер, сарт ер* с головкой в виде двух витых элементов. В восточных областях Казахстана было ощутимо влияние локальных традиций в оформлении свадебного седла, а именно – использовании посеребренных металлических накладок с просечным орнаментом. Особенности казахского комплекса снаряжения свадебного коня являлись: использование большой трехчастной попоны *ат-турман* наряду с бытованием этих частей по отдельности; предпочтение вышивки в декорировании текстильных предметов; наличие сложного седельного комплекта, включавшего вещицы мешки-подушки – бокша, кус-калта, купшик – для транспортировки ценных вещей из приданого. Одной из универсальных функций свадебных атрибутов являлась магическая защита невесты – в рассматриваемых предметах она реализовывалась через использование сукна красного цвета, яркого растительного и солярного орнамента в вышивке и аппликации, декоративных элементов треугольной формы (образ амулета *тумар*), пучков из перьев филина, серебряных накладок на кожаных ремнях сбруи, бусин разного цвета, шелковых кистей и бахромы. Статья вводит в научный оборот редкие музейные памятники из собраний крупнейших этнографических музеев России – Российского этнографического музея и Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера) (Санкт-Петербург). Для полноты и объективизации картины бытования снаряжения свадебного коня у казахов приведены сравнительные данные по культуре некоторых народов Центральной Евразии.

Для цитирования: Попова Л.Ф. Убранство коня невесты в традиционной культуре казахов. *Qazaq Historical Review*. 2024. Т. 2. № 2. С. 180–203. DOI: <https://doi.org/10.69567/3007-0236.2024.2.180.203>

Введение

Предметная сфера казахской свадебной обрядности закономерно привлекает к себе внимание исследователей как яркий феномен культуры с высоким семиотическим статусом. В отличие от свадебного костюма убранство коня казахской невесты специально не рассматривалось, несмотря на видное место предметов конского снаряжения в системе свадебных атрибутов. Отсутствие исследований по этой теме во многом связано с довольно узкой базой источников: в музейных собраниях эти вещи единичны, фотографические материалы и иллюстративные памятники также немногочисленны и требуют специального анализа, опубликованные документальные свидетельства бытописателей и исследователей в подавляющем большинстве недостаточно подробны. Однако концентрация разного рода сведений, как единственно возможный подход к изучению данной темы, позволяет воссоздать картину бытования свадебного конского убранства в казахской традиции и даже выявить его некоторые региональные особенности. Для того чтобы высветить конструктивные и декоративные особенности предметов комплекса свадебной лошади у казахов автор посчитал необходимым привлечь сравнительный материал по традиционной культуре тех народов Центральной Евразии, у которых статус верхового коня невесты был также очень высок.

Материалы

Невеста у казахов всегда переезжала в дом мужа на коне, в отличие, например, от туркмен-текинцев, у которых невесту перевозили в дом мужа на верблюде в специальной палатке *кеджебе*, а также татар, башкир, ногайцев, имевших свадебную колесную повозку с кибиткой на ее платформе. Известно, что у каракалпаков, узбеков, некоторых групп туркмен невесту отвозили в дом мужа на арбе. Туркмены-огурджали использовали для этого лодку [Кисляков 1969: 130]. Если новобрачные у оседлого населения Средней Азии жили в одном квартале селения, то молодая женщина могла идти пешком, или же, как у туркмен, пешие мужчины несли невесту на ковре. Следует заметить, что у некоторых народов под воздействием модернизации лошадь уступила место колесным транспортным средствам как более комфортным и престижным. Это касается, например, башкир [Руденко 1955: 264], многих локальных групп бурят [Балдаев 1959: 112], лезгин [Караханов 2017: 53]. Культура балаганских бурят отражает эту переходную ситуацию – невеста выезжала из родительского дома на коне, а уже в пути пересаживалась на подводу [Балдаев 1959: 112].

В среднеазиатско-казахстанском регионе кроме казахов невесту отправляли в дом мужа на коне кыргызы [Асанков, Брусина, Жапаров 2016: 317], горные таджики [Кисляков, Писарчик 1976: 49], узбеки-карлуки [Шаниязов 1964: 150] и туркмены племени нохурли [Кисляков 1969: 130]. В других регионах традиция украшения коня невесты была ярко выражена у родственных казахам народов Саяно-Алтая – алтайцев [Радлов 1989: 178] и хакасов [Бурнаков 2023: 148–149]. Так, согласно хакасским материалам, «на свадьбу ехали на подводах с хорошими сбруями. Раньше это приносило большую славу. Поэтому задолго до свадьбы хорошо подготавливались. Разукрашивали конские сбруи, чтобы не опозорить себя. Хомуты, седелки, шлеи, узды были все наборные и блестели» [Бурнаков 2023: 149]. Наиболее разветвленным предстает феномен коня невесты у якутов; и сегодня он манифестируется этносом как важная часть своего культурного наследия. При этом не менее значимым атрибутом якутской свадебной обрядности являлась коновязь *сэрге*, которая заранее устанавливалась возле нового дома молодой женщины и предназначалась только для ее лошади [Алексеев, Романова, Соколова 2012: 295].

Повсеместно транспортное средство невесты имело богатый декор, смысл которого был универсальным – это, прежде всего, магическая защита молодой женщины, ритуально находящейся в переходном состоянии. Ритуал требовал мобилизации всех знаковых средств культуры для противодействия злым силам, в особенности использования сильных оберегов. В качестве примера яркого проявления защитной функции конского убранства можно привести его описание у цахур – скотоводов Южного Дагестана:

В день свадьбы лошадь невесты украшали разноцветным тюрбаном, а на лбу лошади висел специальный талисман треугольной формы с молитвой и небольшим зеркалом [Сергеева 1988: 27–28].

Рассмотрение знаковой системы снаряжения лошади казахской невесты как оберега и витального символа – одна из основных задач нашей работы.

Лошадь, на которой казахская невеста переезжала в дом мужа, являлась частью ее приданого. Об этом свидетельствует ряд авторов, в том числе, знаток казахского быта Шагимардан (Ишмурат или Иван) Ибрагимов:

В приданое невесте готовят следующие вещи: <...> 4) лошадь с женским седлом; на лошадь навешивается бубенчик, а седло богато украшается <...> [Ибрагимов 1872: 141–142].

Качество лошади невесты зависело от материальных возможностей ее семьи, но родители старались, чтобы это было породистое животное. Так, по описанию казахского этногра-

фа-бытописателя Худабая Кустанаева, мать невесты в момент проводов «подводит к дочери хорошего иноходца с дорогим убором и помогает ей сесть на него» [Кустанаев 1894: 32]. По некоторым данным, невеста сама выбирала коня в отцовском стаде [П. 1874: 42]. Такой же обычай существовал и у кыргызов [Асанков, Брусина, Жапаров 2016: 317]. Для сравнения, у некоторых народов этот конь подбирался как бы по воле высших сил. Так, у цахуров его определяли после скачек, в которых участвовали лучшие скакуны села [Хадирбеков 2009: 16]. У калмыков свадебная лошадь определенной масти подбиралась по указанию ламы [Нанзатов, Содномпилова 2013: 151]. Любопытны сведения о послесвадебной судьбе этого животного:

Эта лошадь не входила в приданое невесты. У калмыков лошадь, доставившую невесту в поселение семьи жениха, отпускали в знак того, что невеста уже не сможет вернуться домой. Хозяином лошади мог стать любой, кто ее изловит. Как подтверждает ряд исследований обрядов жизненного цикла монгольских народов, свадебные обряды во многом схожи с обрядами поминально-погребального цикла. И в данном случае назначение лошади невесты аналогично особой ритуальной функции погребальной лошади хойлого, которая сопровождает усопшего [Нанзатов, Содномпилова 2013: 151].

Данный факт, не подкрепленный, однако, ссылкой на источник, документирует либо архаический пласт представлений и практик тюрко-монгольских народов, связанных с конем невесты, либо особую модель культурной функции обрядового животного. Так или иначе, теоретическое положение названных авторов заслуживает всяческого внимания.

Прямых свидетельств о том, придавалось ли у казахов значение масти свадебной лошади, пока обнаружить не удалось. Однако можно уверенно предполагать, что наиболее предпочтительной мастью была белая (ақбоз). На акварельном рисунке Владимира Плотникова, создавшего ценнейший альбом по бытовой культуре казахов восточной части Тургайской области [Ускенбай (ред.) 2022: 226–227], можно видеть изображение невесты, едущей именно на белой лошади (РЭМ № 8764-17185) (рис. 1). На знаменитой картине Николая Хлудова «Богатое кочевье» девушка брачного возраста, сидя на белой лошади, возглавляет кочевой караван. Как убедительно показано Ахметом Токтабаем, такое животное у казахов высоко ценилось и считалось священным [Токтабай 2022: 386–387]. В свадебной обрядности казахов по сей день особое значение имеют предметы категории *ақ* – «белое, чистое». К ним относятся, например, молочные продукты – кумыс и айран, которые подают к свадебной трапезе. Согласно распространенной примете (*ырым*), автомобиль новобрачных должен быть белого цвета, во всяком случае, не черного. Сравнительные данные также говорят в пользу нашего мнения. Так, невесту на белой лошади везли туркмен-нохурли [Кисляков 1969: 130], калмыки Илийского края [Федоров 1903: 259].

Вместе с лошадью в состав девичьего приданого входило и конское снаряжение. Согласно Петру Маковецкому, собиравшему материалы по казахскому обычному праву в 1880-х годах в Семипалатинской области, комплекс конского убранства включал следующие вещи:

седло – эрь, седельный прибор – потник (олбур), женские стремяна (узенгы), нагрудник (умуль-дурук), потфею – куюскан, узду – джугень, покрывало на переднюю часть седла – уртук-миндер, покрывало на заднюю часть седла и лошади (джамчи), плетъ (кажчи) [Юшков 1948: 247].

Терминология приведена Петром Маковецким в русской транскрипции, искажающей казахские названия, но в целом она узнаваема. Плетъ названа «кажчи» вместо «камчи» либо вследствие описки автора, либо это издательская опечатка. Следует подчеркнуть, что данный перечень – единственный опубликованный список предметов экипировки свадебного коня последней трети XIX века. Список Василия Радлова [Радлов 1989: 280 – 281], достоинством которого является точная транскрипционная подача терминологии, характеризует не свадебный, а универсальный повседневный вариант казахского конского снаряжения.



Fig. 1. Bride on a horse. Watercolor drawing. Artist Vladimir Plotnikov. Qazaqs. 1866. Russian Ethnographic Museum, 8764-17185. Published: [Uskenbay (ed.) 2021: 226–227]

1-сур. Атқа мінген қалыңдық. Акварель сурет. Суретші Владимир Плотников. Қазақтар. 1866 жыл. РЭМ №8764-17185. Жарияланған уақыты: [Ускенбай (ред.) 2021: 226–227]

Рис. 1. Невеста на лошади. Акварельный рисунок. Художник Владимир Плотников. Казахи. 1866 год. РЭМ №8764-17185. Опубликовано: [Ускенбай (ред.) 2021: 226–227]

Сопоставление перечня Петра Маковецкого с другими данными показывает, что убранство свадебной лошади у казахов имело разные варианты. Наиболее информативными источниками по изучаемой теме являются хранящиеся в РЭМ экспонаты Этнографической выставки 1867 года (Москва), которые будут подробно рассмотрены ниже, альбом акварелей Владимира Плотникова (1858–1866), где имеются 4 листа рисунков с изображением комплекса свадебного снаряжения [Ускенбай (ред.) 2022], а также свадебная попона из собрания Кунсткамеры (МАЭ № 439-12). Эти материалы отражают культуру казахов рода жагалбайлы и племени кипчак, населявших восточную часть Тургайской обл. Дополнением к названным материалам служит работа Александра Добросмыслова «Скотоводство в Тургайской области» [Добросмыслов 1895], содержащая крайне важные факты по исследуемой теме.

Результаты и их обсуждение

Общее представление о характере конского свадебного убранства в Тургайской области дают рисунки Владимира Плотникова. На листе № 19 его этнографического альбома изображена попона *ат-турман*, состоящая из трех соединенных воедино частей – треугольного покрывала для головы и шеи лошади, подседельника и попоны для крупа животного (РЭМ № 8764-17159) [Ускенбай (ред.) 2022: 104–105] (рис. 2). Термин *турман* в словаре Константина Юдахина переведен как «принадлежности, утварь, оборудование» [Юдахин 1985: 270]. По мнению Ахмета Токтабая термины *ат-турман* и *ер-турман* являются синонимами [Токтабай 2022:152]. По нашему мнению, понятие *ат-турман* являлось более



Fig. 2. At-turman. Watercolor drawing. Artist Vladimir Plotnikov. Qazaqs. 1860. Russian Ethnographic Museum, 8764–17159. Published: [Uskenbay (ed.) 2021: 104]

2-сур. Ер-турман. Акварель сурет. Суретші Владимир Плотников. Қазақтар. 1860 жыл. РЭМ №8764-17159. Жарияланған уақыты: [Ускенбай (ред.) 2021: 104]

Рис. 2. Ат-турман. Акварельный рисунок. Художник Владимир Плотников. Казахи. 1860 год. РЭМ №8764-17159. Опубликовано: [Ускенбай (ред.) 2021: 104]

специализированным и прилагалось, во всяком случае, в середине XIX века, к текстильным элементам убранства свадебной лошади, и прежде всего, к большой трехчастной попоне. Об этом говорит архивный документ, содержащий название и описание свадебного конского убранства, предназначенного для экспонирования на Этнографической выставке 1867 года: «Лошадь с ат-турманом (общее выражение, обозначающее свадебное украшение для лошади) <...>» (АРЭМ. Ф.1. Оп. 2. Д. 8. Л.22).

Поскольку комментарий к альбому акварелей Владимира Плотникова, сделанный самим художником, считается утерянным, названия частей *ат-турман* восстановлены автором по названному выше документу:

Это свадебное украшение лошади состоит из следующих частей: а) Из женского седла б) Особой формы длинных мешков (кус-калта) в) одеяла (купчик), которое в свернутом виде принимает форму подушки г) Подушки (бакша) д) Части ат-турмана, покрывающей шею лошади (муин-кап) е) потник (токум) ж) части покрывающей зад лошади (уртюк) з) Верхнее покрывало (миндыр) (АРЭМ. Ф.1. Оп. 2. Д. 8. Л. 23).

Возле позиций «д, е, ж» в документе поставлена фигурная скобка, а рядом по вертикали дана надпись: «эти три части д е ж сшиваются вместе и составляют одно целое».

Сравнение данного списка снаряжения свадебной лошади и перечня Петра Маковецкого показывает, что в последнем нет прямого указания на попону для головы и шеи лошади, если только это не покрывало на переднюю часть седла; потник назван «олбур» вместо более распространенного «токум»; термин «уртюк» применен для покрывала передней части седла, а не задней, как в описании экспонатов московской выставки. Возможно, термин «олбур» происходит от глагола *олтур* – «сидеть, садиться». В словаре Константина Юдахина приводится выражение *атка олтур* – «сидеть на коне (но не сесть на коня)» [Юдахин 1985: 68]. Трактовку термина *уртук* можно найти в том же словаре – «дорогая попона с украшениями»; «алтын, күмүш, абайы – кыз келиндин үртүгү стих. (при перекочевке) попона (на коне для) девушек и молодух из материи абайы, украшенная золотом и серебром» [Юдахин 1985: 326]. По всей видимости, название *уртук* не было связано с конкретным видом конского покрывала, поэтому оно применялось к любому предмету такого рода. В пользу этого предположения говорит примечание Абубакира Диваева, сделанное им при комментировании свадебных песен жанра *жар-жар*:

Өртүк – покрывало, которое набрасывается сверх седла невесты. Оно бывает расшито и украшено кистями, для подвешивания последних делаются выемки по краям [Диваев 1900: 23].

Описание покрывала соответствует содержанию песенной строки, адресованной девушкой отцу:

Пусть делает выемки для кистей моего өртүк джар, джар, ау! [Диваев 1900: 23].

Возможно, здесь приведен локальный вариант украшения покрывала, когда его края делали волнистыми. Безусловно, что кисти можно пришить и к ровному краю, как это показано на рисунке Владимира Плотникова (РЭМ № 8764 – 17160) (рис. 3).

Полным аналогом к рисункам Плотникова и архивному описанию покрывала *ат-турман* является экспонат из собрания Кунскамеры (рис. 4). Этот уникальный предмет входит в состав крупной коллекции предметов казахского быта, подаренной этому музею в 1880-х годах Лаикжаном Беркимбаевым, сыном известного казахского чиновника на русской службе Дербисалы Беркимбаева из рода жагайбайлы. Подробное рассмотрение данного музейного памятника позволит объяснить специфику декора некоторых элементов убранства свадебной лошади у казахов, а также раскрыть историю их изготовления.



Fig. 3. At-turman. Watercolor drawing. Artist Vladimir Plotnikov. Qazaqs. 1860. Russian Ethnographic Museum, 8764-17160. Published: [Uskenbay (ed.) 2021: 108]

3-сур. Ер-турман. Акварель сурет. Суретші Владимир Плотников. Қазақтар. 1860 жыл. РЭМ №8764-17160. Жарияланған уақыты: [Ускенбай (ред.) 2021: 108]

Рис. 3. Ат-турман. Акварельный рисунок. Художник Владимир Плотников. Казахи. 1860 год. РЭМ №8764-17160. Опубликовано: [Ускенбай (ред.) 2021: 108]



Основа конского покрывала МАЭ № 439-12 выполнена из белого войлока, а его верхнее покрытие – из красного фабричного сукна; треугольная передняя и трапециевидная задняя части предмета имеют вышитый декор, а средняя – две боковые вышитые нашивки из черного плиса. Композицию вышивки задней части покрывала составляют три крупных круглых медальона с заполнением в виде розетки из шести секирообразных фигур с парными завитками вовнутрь. Сравнивая эти медальоны с теми, которые изображены на рисунке Плотникова (рис. 2), можно увидеть, что они идентичны. Примечательно, что аналогичный орнамент украшает часть чепрака из собрания Государственного Эрмитажа.¹ По нашему мнению, эрмитажный предмет является не чем иным, как задней частью ат-турман – достаточно сравнить его с экспонатом Кунсткамеры. Еще один близнец-аналог – узбекская заготовка для чепрака из собрания РЭМ (РЭМ № 8762-21894) (рис. 5). Ровно такой же орнамент имеет попона, зарисованная Рихардом Карутцем для иллюстрирования главы «Киргизская линия» в его знаменитой работе «Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке» [Карутц 1911: 168, рис. 48]. На фотографии Константина де Лазари (1897, Лепсинский уезд Семиреченской области), запечатлевшей встречу казахской невесты в доме мужа, голова и шея свадебной лошади покрыта попонай с типичными круглыми медальонами (рис. 6). Примеры вещей с подобным орнаментом можно преумножить.

Наличие довольно широкого круга одинаковых/подобных вышитых частей ат-турмана говорит об одном – в Средней Азии существовал ремесленный центр, выпускавший большие

¹ См.: Ковра суконного часть (часть чепрака). Средняя Азия. XIX век. Материал, техника: сукно, шелк; вышивка. Размер: 379.5x105 см. Год поступления: 1931. Инвентарный номер: VT-657. URL: <https://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT/281107?page=2&query=чепрак&category=2671&index=68> (дата обращения: 20.05.2024).



Fig. 4. Blanket for the bride's horse. Qazaqs. Turgai region. Mid-19th century. Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera), 439-12
4-сур. Қалыңдық атының жабуы. Қазақтар. Торғай облысы. XIX ғасырдың ортасы. МАЭ 439-12
Рис. 4. Попона на коня невесты. Казахи. Тургайская обл. Середина XIX века. МАЭ 439-12



Fig. 5. Horse blanket (part). Uzbeks. Tashkent. Mid-19th century. Russian Ethnographic Museum, 8762-21894

5-сур. Ат жабуы (бір бөлігі). Өзбектер. Ташкент. XIX ғасырдың ортасы. РЭМ №8762-21894
Рис. 5. Попона конская (часть). Узбеки. Ташкент. Середина XIX века. РЭМ №8762-21894



Fig. 6. The bride's arrival at the groom's house. Photo print. Qazaqs. Semirechye region, Lepsy district. 1897. Photo by Constantin de Lazari. Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera), 423-12

6-сур. Қалыңдықтың күйеу үйіне келгені. Фотоотпечаток. Қазақтар. Жетісу облысы, Лепсі уезі. 1897 жыл. Константин де Лазаридің фотосы. МАЭ №423-12

Рис. 6. Приезд невесты в дом жениха. Фотоотпечаток. Казахи. Семиреченская область, Лепсинский уезд. 1897 год. Фото Константина де Лазари. МАЭ №423-12

объемы тиражированной популярной продукции, которую можно было легко приобрести через торговые сети региона – городские базары, ярмарки, транзитную и разъездную торговлю в степи. Этим центром, как уже было показано автором [Попова 2023], с середины XIX века являлся Ташкент, где работали многочисленные мастерские профессиональных вышивальщиков тамбурным швом. Еще в начале XX века Самуил Дудин в Сырдарьинской области фиксировал следующую форму межкультурного взаимодействия:

Сарты производят для киргиз конскую сбрую, платье мужское и женское от рубах и халатов до обуви и головных уборов включительно, одеяла простые и нарядные, свадебные попоны и свадебные халаты, украшенные вышивками, мебель резную и раскрашенную... [Емельяненко 2021: 541].

Важно подчеркнуть, что эта продукция была ориентирована только на «степной» рынок и узбеками-сартами не приобреталась за ненадобностью. Казахи и киргизы могли использовать узбекские вышивки как полуфабрикат, перекраивая заготовки попон и свадебных халатов для других целей – например, оформления свадебных занавесов (РЭМ № 6371-53, МАЭ №1199 – 80) и настенных панно түскийиз (РЭМ № 1062 – 68). Интересно, что на фотографии Самуила Дудина «Бедная невеста» (1899, Семипалатинская область) можно

видеть всего лишь единственный предмет убранства – покрывало с характерной ташкентской вышивкой, которым обернута нижняя часть фигуры женщины (МАЭ № 1199 – 59). Такая же вышивка украшает среднюю часть ат-турмана из собрания Кунсткамеры. Вышивка головной части попоны МАЭ № 439-12 отличается от вышивки задней части, но это также узбекская работа, хотя она изящнее, выполнена нитками лучшего качества, масштаб рисунка намного мельче. Интересное описание головной части покрывала ат-турман имеется в статье о свадебных обрядах казахов Семипалатинской области:

Парадный конь невесты покрывается попоной из красного сукна, она вышивается шелками или делается из манлыка (дорогой китайской ткани – Л.П.); кругом обшиваются богато золотою бахромой, на голове попона надета на уши, над ушами прикреплены пучки филиновых перьев, потом она спускается на лоб углом между глазами [П. 1878: 40].

Наряду с цельным покрывалом ат-турман казахи широко использовали его части по отдельности – те же головные попоны, подседельники, трапециевидные покрывала на круп лошади. Не случайно, что Петр Маковецкий не упоминает о едином покрывале и перечисляет только элементы убранства свадебной лошади.

Сравнительные материалы показывают, что конские головные попоны треугольной формы в рамках Центральной Евразии являются спецификой культуры казахов, каракалпалков и кыргызов, и у коневодческих народов Сибири они не зафиксированы. Возможно, что кочевники региона могли впитать эту традицию при знакомстве с парадным конским убранством правящих кругов среднеазиатских государств. Показательно, что в коллекции дипломатических подарков российским императорам от эмиров Бухары имеется треугольная головная попона из красной хлопчатобумажной ткани, именованная «Летняя попона» (РЭМ № 5474-110). Она не имеет декора, но, подчеркнем, что на одном из рисунков Владимира Плотникова изображен также красный свадебный ат-турман без дополнительных украшений (рис. 1). Главное, что попоны красного цвета – цвета царственности, витальной энергии, молодости и процветания. Покрывала для головы лошади широко применялись узбеками-сартами и для ухода за животными, в особенности при подготовке лошадей к скачкам (РЭМ № 32-3, 4, 5).

Один из самых ранних музейных экземпляров казахских головных попон датируется серединой XIX века – это экспонат Этнографической выставки 1867 года (РЭМ № 8762-23773) [Ускенбай (ред.) 2022: 110]. Покрывало изготовлено из бордового сукна, декорировано вышивкой казахской работы; к угловому выступу, опускавшемуся между глаз животного, пришито украшение – шнур с красными бусинами-пронизками, на конце которого прикреплена шелковая кисть с металлическим куполком. Предназначалась ли эта попона для соединения в единое покрывало ат-турман, как это указано в инструкции по экспонированию, трудно сказать определенно.

Сложным декором отличается конская головная попона РЭМ № 1471-31 (рис. 7), приобретенная Фёдором Караваевым в 1908 году в Павлодарском уезде. Она сшита из красного и синего сукна, декорирована вышивкой, лоскутным орнаментом и бахромой. Вышивка этого предмета выполнена в казахской среде. Основу композиции орнамента составляет крупный треугольник с парными рогообразными завитками на вершинах. Несомненно, что вышитый треугольник – это оберег *тумар*, по сей день имеющий в регионе широчайшее распространение. Тема оберега-треугольника поддержана в дизайне попоны оригинальным оформлением треугольных «ушек», сшитых из мельчайших треугольных суконных лоскутков красного и синего цвета. Средством защитной магии являются в этом предмете и нашитые в нескольких местах пучки перьев филина (почти утрачены, но хорошо заметны места их крепления). Ценно, что данная попона запечатлена на фотографии, выполненной самим собирателем (РЭМ № 1594-14).



Fig. 7. Horse head blanket. Qazaqs. Semipalatinsk region, Pavlodar district. End of the 19th century. Russian Ethnographic Museum, 1471-31

7-сур. Мойын қап. Қазақтар. Жетісу облысы, Павлодар уезі. XIX ғасырдың соңы. РЭМ №1471-31
Рис. 7. Попона головная конская. Казахи. Семипалатинская область, Павлодарский уезд. Конец XIX века. РЭМ №1471-31

Кыргызская головная попона для свадебной лошади была приобретена Самуилом Дудиным в Алайской долине (РЭМ № 14-86). Собиратель сообщает по этому поводу следующее:

Свадебный же убор лошади для невесты дополняется большой попоной атджау, обшитой красным и синим бордюром и бахромой из белых ниток, атджалы – покрывалом для головы лошади из красной фланели или кумача с красным и синим бордюром и белой бахромой [Емельяненко 2021: 501].

Декор кыргызской попоны скромнен; очевидно, что красный цвет ткани, как это было показано выше, являлся главным знаковым средством этого обрядового атрибута. Интересно, что кыргызские термины для свадебных покрывал произведены от названия тех частей тела животного, которые они покрывали. Так, название *атджалы* можно перевести как «конская грива» [Юдахин 1985: 242], а *атджау* – «конский кострець» [Юдахин 1985: 242].

Впрочем, и один из казахских терминов – *моин кап* (букв. «мешок для шеи») – также указывает на месторасположение предмета.

Музейные памятники кыргызской культуры дополняют наши представления о магических функциях предметов убранства свадебной лошади. Например, на головной попоне 1920-х годов в лобной части между прорезями для ушей пришит крупный треугольный оберег *тумар* из темно-синего бархата (РЭМ № 8762 – 23223).

Трапециевидные попоны являлись обязательной частью оформления свадебного коня, о чем можно судить как по иллюстративным материалам, так и по письменным сообщениям. Василий Радлов, описывая снаряжение коня женщин во время перекочевки, а изначально это был свадебный комплект, отмечает: «на седло накинута большая попона из красного сукна (джамджа)» [Радлов 1989: 281]. Термин *джамджа* сходен с приведенным Маковецким *джамчи* и означает «покрывало» [Юдахин 1985: 226].

Казахские трапециевидные попоны *джамджа*, *джамчи*, *örtük* представлены в музеях преимущественно ташкентской продукцией разного времени. Наиболее ранним экземпляром в собрании РЭМ является покрывало середины XIX века, изготовленное из красного сукна и украшенное вышивкой в виде крупных круглых медальонов с «вихревыми» розетками – древним солярным символом (РЭМ №8762 – 23070) (рис. 8) Последнее поступление подобных предметов состоялось в 1903 году – в Аулие-Ате Самуил Дудин приобрел типичный экземпляр, именованный *ат-кожин*, сшитый из дешевой хлопчатобумажной бумазеи (имитация сукна) и вышитый шелковыми нитками невысокого качества, окрашенными анилином (РЭМ №33-46). На фотографии Константина де Лазари свадебная лошадь также покрыта попоной узбекской работы (рис. 6). Одна из постановочных фотографий Семиреченской сельскохозяйственной выставки 1913 года, приуроченной к 300-летию дома Романовых, запечатлела невесту на лошади, украшенной мужской бухарской попоной с золотной вышивкой (РЭМ № 9464-61). Это еще раз говорит о восприимчивости казахской культуры к заимствованиям и легком «освоении» престижных покупных предметов.



Fig. 8. Horse wedding blanket. Qazaqs. Syrdarya region (?). Mid-19th century. Russian Ethnographic Museum, 8762-23070

8-сур. Қалыңдық атының жабуы. Қазақтар. Сырдария облысы (?). XIX ғасырдың ортасы. РЭМ №8762-23070

Рис. 8. Попона конская свадебная. Казахи. Сырдарьинская область (?). Середина XIX века. РЭМ №8762-23070

Яркими аналогами казахских попон для крупа лошади являются хакасские и якутские покрывала, изготовлявшиеся также из красного сукна и обильно декорированные в разной технике [Петрова 2010].

Такой элемент конского снаряжения как подседельник всегда являлся его важнейшей составной частью, поскольку имел в первую очередь практическое значение – смягчать контакт жесткого седла с телом животного, а качество его декора зависело от культурного контекста использования верхового коня. Вполне понятно, что подседельники для свадебной лошади отличались особым оформлением, о чем пишет Василий Радлов:

При перевозке юрт чепраки под женскими седлами — из красного сукна (кызыл манат) с отделкой из плюша (макпал) [Радлов 1989: 281].

Как показывает рисунок Владимира Плотникова, подседельник могли помещать даже поверх ат-турмана (рис. 2), хотя у этого покрывала уже имелсявшитый потник. Изображенный предмет декорирован казахами в технике аппликации, судя по крупным ясным фигурам орнамента.

Подседельники были шире и длиннее, нежелившитые в ат-турман потники. В собрании РЭМ имеется всего лишь один аннотированный экземпляр казахского свадебного подседельника (РЭМ № 1037 – 6) (рис. 9). Он был приобретен в 1906 году у Александра Адрианова – опытного коллекционера этнографических памятников сибирских народов. Казахскую коллекцию он составил в Семипалатинской обл. Предмет изготовлен из белого войлока, покрыт тканью с вышитым декором. Особенно интересна вышивка боковых частей, выполненная шерстяными нитками тамбурным швом по красноватой бумазее, применявшейся за отсутствием (или дороговизной) красного сукна. Вышивка сделана казахами-найманами, у которых вышивальное искусство стояло на высокой ступени. Особенно эффектные свадебные атрибуты найманов с вышитыми круглыми медальонами, розетками из восьми лепестков, трилистниками, «ёлочками», пестрыми «пунктирными» линиями.

Подседельники и потники обычно дополнялись войлочными тебеньками (тебеңгі), которые чаще всего декорировались вышивкой по черному плису, покрывавшему их лицевую сторону (РЭМ № 8762 – 23775) (рис. 10). Яркий декор тебеньков, защищавших бока лошади от трения, является характерной чертой убранства свадебной лошади тех тюркских народов, у которых в XIX-XX вв. сохранялся этот культурный феномен. Наиболее близкими аналогами казахских тебеньков являются кыргызские артефакты. В музеях имеется немало кыргызских свадебных подседельников с тебеньками, крытыми черным плисом и обильно декорированными вышитым растительным орнаментом (РЭМ № 8762-22231). Иногда кыргызы крепили к подседельнику и декоративные подвески с бахромой.

В качестве альтернативы войлочным потникам казахи восточной части Казахстана могли использовать кожаные подседельники (тоқым, кежім) с тисненым узором и посеребренными накладками, как это показывает фотография Константина де Лазари (рис. 6). Женские кожаные подседельники широко бытовали и у кыргызов (РЭМ № 6370-21).

Важным аспектом нашего исследования является вопрос о типе женского седла у казахов. Реконструкция истории бытования этого компонента снаряжения затруднена тем, что музейные артефакты единичны и часто слабо аннотированы, а фотографические свидетельства отсутствуют – ведь седло всегда скрыто под полами одежды всадницы. В связи с этим особую важность приобретают описательные данные исследователей казахской культуры. Так, большой интерес представляет сообщение Александра Добросмыслова об отсутствии у казахов Тургайской области производства женских седел. Их привозили из Бухары в двух видах:

В) Коканское седло (шошакпас) очень легкое и изящное, в костяной оправе, сиденье обито кожей; передняя лука узкая, длинная и прямая с незначительной наклоном



Fig. 9. Saddle pad for the bride's saddle. Qazaqs. Semipalatinsk region. End of the 19th century. Russian Ethnographic Museum, 1037-6

9-сур. Қалыңдық ер-тұрманының терілігі. Қазақтар. Жетісу облысы. XIX ғасырдың соңы. РЭМ №1037-6

Рис. 9. Потник для седла невесты. Казахи. Семипалатинская область. Конец XIX века. РЭМ №1037-6



Fig. 10. Saddle pad with flaps. Qazaqs. Semirechye region. Mid-19th century. Russian Ethnographic Museum, 8762-23775

10-сур. Терілік. Қазақтар. Жетісу облысы. XIX ғасырдың ортасы. РЭМ №8762-23775

Рис. 10. Потник с тебеньками. Казахи. Семиреченская область. Середина XIX века. РЭМ №8762-23775

вперед, оканчивается клювообразным, острым концом; задняя часть седла незначительно возвышена, без спинки, образует полукруг. Г) Бухарское седло (куранды-эр) легкое, изящное, в костяной оправе, ярко выкрашено, делается только из дерева с полным отсутствием кожи или другого материала; передняя лука невысокая, конусообразная, с отрезанным концом, разделяющимся на две ветви; задняя спинка возвышена; сиденье широкое.

Кокандское и бухарское седла употребляются исключительно для езды женщин, и обыкновенно даются в приданое дочерям, при выходе их замуж, вместе с лошадью, при чем кокандское седло, как более дорогое, получают в приданое девицы только состоятельных родителей, бедные довольствуются и бухарским [Добросмыслов 1895: 115 – 116].

Эти сведения находят параллели у Василия Радлова, изучавшего в начале 1860-х годов язык и быт восточных казахов:

<...> кокандское (сырлы иеру или сарт иер) для женщин. Кокандское седло изготавливается из склеенных слоев березовой коры, лакировано и украшено инкрустациями из кости. Головка передней луки заострена и заканчивается наверху витой шишечкой [Радлов 1989: 281].

Вполне очевидно, что Радлов описывает бухарское седло, «витая шишечка» в его тексте тождественна определению о «разделении на две ветви» у Добросмыслова. Пояснительные данные обоих авторов позволяют объединить здесь понятия кокандское *сарт иер* («сартовское») и *куранды-эр* (*куранды* – «составной; составленный из кусочков») [Юдахин 1985: 448]. Такое допущение подкрепляет замечание очевидца, что «седла кокандцев формой мало отличаются от бухарских, всего более употребляемых в Русском Туркестане» [До-й 1871: 255].

Терминологическую «дискуссию» следует дополнить данными рисовальщицы Антонины Ворониной-Уткиной, участвовавшей в экспедиции Григория Потанина в Каркаралинский уезд Семипалатинской области (1913). Ее акварели являются ценнейшим источником по этнографии казахов восточных областей. В контексте изучаемой темы особую важность имеет рисунок (МАЭ № 2519 – 50), подписанный «Кўранды эр Женское седло» (рис. 11). Он фиксирует тип бухарского седла с головкой в виде пары завитков, но только изображенный предмет не «классический» – он не покрыт берестой, росписью и лаком, а обтянут кожей и декорирован металлическими накладками, в чем следует видеть влияние местной восточно-казахской традиции.

На другом листе с акварелями Антонины Ворониной-Уткиной один из восьми рисунков, названный «Сарт эр Седло женщины», изображает типичное бухарское седло узбекской работы с раздвоенной витой головкой, декорированное костяными накладками и росписью (МАЭ № 2519 – 55). Таким образом, по данным художницы, у казахов Каркаралинского уезда седла *куранды эр* и *сарт эр* не были тождественны – при общем конструктивном типе они имели разное оформление.

Владимир Плотников в «банк» терминологии женских седел своего вклада не внес – изобразив бухарское седло с витой головкой, местного названия он не привел (рис. 12) [Ускенбай (ред.) 2022: 98–99]. Особенностью этого седла является красный цвет сидения, что объяснимо его свадебным назначением. Однако в какой технике оно декорировано – окрашено или покрыто тканью – сказать затруднительно.

Вернемся к рассмотрению того типа седла, которое Александр Добросмыслов именовал кокандским (шошакпас). Его основные признаки – высокая прямая головка, кожаное сиденье, обкладка костью – указывают на тип хивинского седла, получившего распространение в западной части Казахстана и в кокандских владениях не бытовавшего. Такое седло изо-



Fig. 11. Women's saddle decor. Watercolor drawing. Artist Antonina Voronina-Utkina. Qazaqs. 1913. Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera), 2519-50

11-сур. Әйел ер-тұрманының әшекейі. Ақварель сурет. Суретші Антонина Воронина-Уткина. Қазақтар. 1913 жыл. МАЭ №2519-50

Рис. 11. Декор женского седла. Аquareльный рисунок. Художник Антонина Воронина-Уткина. Казахи. 1913 год. МАЭ №2519-50

бражено, например, в Альбоме императорского арсенала в Царском селе.² К сожалению, нам не известно какое-либо изображение, свидетельствующее о бытовании у казахов седла *шошакпас* как части убранства коня женщины.

Собрание РЭМ документирует казахское женское седло с массивной округлой лукой, похожее по типу на старинное мужское (РЭМ № 9906-1/1). Оно приобретено в 1978 году у Нурилы Шахановой, и имеет следующую легенду:

куплено на ярмарке за двух кобылиц в 1915 г. на свадьбу Кусаиновой Шайзы. Г. Сарань Карагандинской области.

Передняя лука седла декорирована дорогой кожей *саур* зеленого цвета, поверх которой размещены крупные посеребренные накладки с прорезным орнаментом и двумя вставками из сердолика. Этот пример интересен в том отношении, что характеризует казахскую традицию в разнообразии ее локальных вариантов. Использование не самого распространенного типа женского седла может объясняться и переменами в представлениях этнической группы о престиже и статусе обрядовых атрибутов.

² См.: Изображение двух персидских сабель, кинжала, хивинского седла и трех конских уборов. 1869 год. Материал, техника: бумага; хромофотография. Размер: 52x36 см. Год поступления: 1927. Инвентарный номер: ЭРГ-25639. URL: <https://collections.hermitagemuseum.org/entity/OBJECT/1505893?avtor=4393&index=7> (дата обращения: 20.05.2024).



Fig. 12. Items of Qazaq horse equipment. Watercolor drawing. Artist Vladimir Plotnikov. 1860.

Russian Ethnographic Museum, 8764–17158. Published: [Uskenbay (ed.) 2021: 98]

12-сур. Қазақ ат әбзелдерінің бұйымдары. Акварель сурет. Суретші Владимир Плотников.

1860 год. РЭМ №8764-17158. Жарияланған уақыты: [Uskenbay (ред.) 2021: 98]

Рис. 12. Предметы конского снаряжения казахов. Акварельный рисунок. Художник Владимир

Плотников. 1860 год. РЭМ №8764-17158. Опубликовано: [Uskenbay (ред.) 2021: 98]



В середине XIX века в седельный свадебный комплекс входили различные компоненты. О них сообщает инструкция по монтажу убранства коня невесты на выставке 1867 года:

3) Через седло перекинуть длинный мешочек кус калту. 4) Над этим, к передней луке, положить одеяльце купчик, свернутое в виде продолговатого выюка и перевязанное тесемками. 5) Сверх всего этого положить особую подушку бокша, тупым концом к передней луке. 6) За этим все положенное на седло закрыть покрывальцем миндыр и затянуть подпругой.

Примечание. Маленький чемоданчик кус-калта, одеяльце купчик, подушка бокша должны быть наполнены разными мелочами, данными в приданое молодой, как-то: джаулуками, рубахами, платками, гребнями, нагрудниками, нитками, иглами и т.п. (АРЭМ Ф.5. Оп.2. Д.8. Л.23).

Это уникальное свидетельство имеет подтверждения: во-первых, это графические рисунки Владимира Плотникова (рис. 12), изображающие названные предметы, а во-вторых, сами вещи, которые были представлены на выставке, а ныне хранятся в РЭМ. Согласно приемам музейного экспонирования, отдельные комплексы в обстановочной сцене могут иметь условный, «образный» вид. Так, седло из общего седельного комплекса (РЭМ № 8761 – 13307), именованное в музейных документах «Седло свадебное», представляет собой муляж, которого не было видно под слоями подушек и покрывал. Оно внесено в Госкаталог музейных памятников РФ, согласно правилам, под тем названием, которое имеется в официальной документации. Такие случаи могут дезориентировать исследователей, но с источником всегда следует работать критически.

Свертки *кус-калта* (рис. 13) и *купчик* (рис. 14) для имитации объема содержимого были скроены из войлока по нужной форме и обтянуты дорогой тканью.

У Василия Радлова, описавшего казахскую перекочевку, имеется интересное упоминание о бытовании свертка *бокша*. У кочующей женщины

перед седлом крепится вещевой мешок, тоже обтянутый красным сукном, с самой лучшей одеждой (бокша). У женщин помоложе при переезде на этом мешке покоится люлька с младенцем [Радлов 1989: 281].

Представляется, что ритуал перекочевки требовал оформления лошади женщины по образцу свадебного варианта.

Наседельное покрывальце из собрания РЭМ изготовлено из бордового бархата, на подкладке из ситца, по периметру обшито шелковой бахромой (РЭМ № 8762 – 23205) (рис. 15). Показательно, что в коллекциях Эрмитажа имеется «двойник» данного предмета, что говорит о его ремесленном изготовлении специалистами.³

Седельный комплекс в полной сборке затягивался особым ремнем *пістан*. Полный вариант убранства свадебной лошади у казахов запечатлен Плотниковым (рис. 2).

Комплект кожаной сбруи коня невесты – узды, нагрудного и подхвостного ремней – всегда украшался посеребренными бляшками. Так, Василий Радлов сообщает:

У женщин сбруя, как правило, украшена богаче, чем у мужчин. Уздечки даже у самых бедных женщин выложены серебром [Радлов 1989: 281].

Узда для свадебного коня зафиксирована Владимиром Плотниковым: ее особенность составляют кисти, дополняющие декор из серебряных накладок (рис. 3) [Ускенбай (ред.) 2022: 108].

В альбоме Антонины Ворониной-Уткиной ременное снаряжение для коня женщины не выделено, хотя изображения декоративных накладок представлены достаточно полно. Возможно, что эта часть конской экипировки у восточных казахов не имела отличий по половой принадлежности. Вследствие слабой аннотации музейные экспонаты данной группы пока исследованы недостаточно.

Наконец, затронем вопрос о женской плети *қамшы*, которая по сообщению Петра Маковецкого, должна была находиться в комплексе снаряжения свадебного коня. По рисунку Владимира Плотникова нами был опознан, атрибутирован и датирован уникальный музейный экспонат Этнографической выставки 1867 года (РЭМ №8762-7163) (рис. 16) [Ускенбай 2022: 122].

Заключение

В заключение отметим, что бытование особого комплекса убранства свадебной лошади носило у казахов устойчивый характер вплоть до середины 1920-х годов. Это связано с сохранением кочевого уклада, важности института приданого, устойчивости магических практик, сохранения значимости факторов престижа и др.

Анализ имеющихся источников позволяет выделить следующие особенности этого яркого феномена традиционной казахской культуры: использование большой трехчастной попоны ат-турман наряду с бытованием этих частей по отдельности; ведущая роль вышивки в их декорировании (большая популярность продукции ташкентского центра вышивального ремесла); наличие сложного комплекта вещевых мешков-подушек – бокша, кус-калта,

³ См.: Подушка на седло. Середина XIX века. Средняя Азия. Материал, техника: бархат, хлопок, нити, бахрома; ткань, шитье, крашение, кручение, плетение. Размер: 96x125 см. Инвентарный номер: В.О.-4515. URL: <https://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT/658177?query=седло&index=23> (дата обращения: 20.05.2024).



Fig. 13. Qus-qalta cushion for women's saddle (replica). Qazaqs. Turgai region. Mid-19th century. Russian Ethnographic Museum, 8762-23206

13-сур. Әйел ер-тұрманының құс-қалта жастығы. Қазақтар. Торғай облысы. XIX ғасырдың ортасы. РЭМ №8762-23206

Рис. 13. Подушка кус-калта для женского седла (реплика). Казахи. Тургайская область. Середина XIX века. РЭМ №8762-23206



QazaqHistoricalReview

QazaqHistoricalReview



Fig. 14. Qopshik pillows for a woman's saddle (replica). Qazaqs. Turgai region. Mid-19th century. Russian Ethnographic Museum, 8762-23211/1,2

14-сур. Әйел ер-тұрманының жастығы. Қазақтар. Торғай облысы. XIX ғасырдың ортасы. РЭМ № 8762-23211/1,2

Рис. 14. Подушки купшик для женского седла (реплика). Казахи. Тургайская область. Середина XIX века. РЭМ № 8762-23211/1,2



Fig. 15. Cover for a woman's saddle. Qazaqs. Turgai region. Mid-19th century. Russian Ethnographic Museum, 8762-23205

15-сур. Әйел ер-тұрманының жабуы. Қазақтар. Торғай облысы. XIX ғасырдың соңы. РЭМ №8762-23205

Рис. 15. Покрывало на женское седло. Казахи. Тургайская область. Середина XIX века. РЭМ №8762-23205

QazaqHistoricalReview

QazaqHistoricalReview

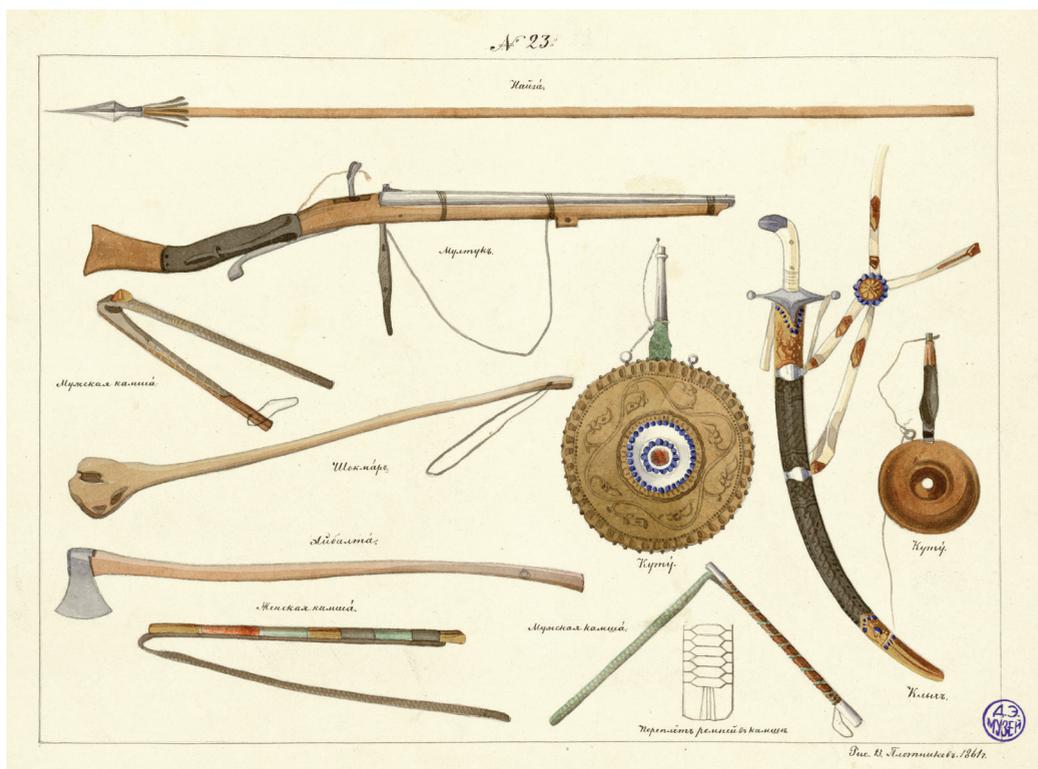


Fig. 16. Qazaq weapons. Watercolor drawing. Artist Vladimir Plotnikov. 1861. Published: [Uskenbay (ed.) 2021: 122]

16-сур. Қазақ қару-жарақ бұйымдары. Акварель сурет. Суретші Владимир Плотников. 1861 жыл. Жарияланған уақыты: [Ускенбай (ред.) 2021: 122]

Рис. 16. Предметы вооружения казахов. Акварельный рисунок. Художник Владимир Плотников. 1861 год. Опубликовано: [Ускенбай (ред.) 2021: 122]

қапшиқ. Функция магической защиты невесты реализовывалась через использование сукна красного цвета, яркого растительного и соляного орнамента, декоративных элементов треугольной формы (образ амулета *тумар*), перьев филина, серебряных накладок на кожаных ремнях, бахромы и шелковых кистей и др.

Библиография

- Алексеев Н.А. Романова Е.Н., Соколова З.П. (ред.). Якуты. Москва: Наука, 2012.
- Асанков А.А., Брусина О.И., Жапаров А.З. (ред.). Кыргызы. Москва: Наука, 2016.
- Балдаев С.П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959.
- Бурнаков В.А. Конь в свадебной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. № 22 (3). С. 140–154.
- Диваев А.А. О свадебном ритуале киргизов Сыр-Дарьинской области. О свадебном ритуале киргизов Сыр-Дарьинской области. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1900.
- Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург: Тургайский Областной Статистический Комитет, 1895.
- До-й Д. Пять недель в Кокане // Русский вестник. 1871. Т. 91. С. 244–318.

- Емельяненко Т.Г. (ред.). Отчёт С.М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг. Москва: Фонд Марджани, 2021.
- Ибрагимов И.И. Этнографические очерки киргизского народа // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. Вып. 2., Москва: Унив. Тип., 1872.
- Караханов С.С. Брак и свадебная обрядность лезгин-каргачцев в XIX–XX вв. // Вестник АГУ. 2017. Вып. 3 (204). С. 47–57.
- Каруц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. Санкт-Петербург: Изд-во А.Ф. Девриена, 1911.
- Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Ленинград: Наука, 1969.
- Кисляков Н.А., Писарчик А.К. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 3. Душанбе: Дониш, 1976.
- Кустанаев Х. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Ташкент: Изд-во О.А. Порцева, 1894.
- Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М. Традиционные обряды жизненного цикла монгольских народов в условиях современности: торгоутская свадьба // Власть. 2013. № 8. С. 148–151.
- П. Обычаи киргиз Семипалатинской области // Русский вестник. 1878. Т. 137. С. 22–66.
- Петрова С.И. Традиция и современность в художественном шитье конского убранства // Грамота. 2010. № 2 (6). С. 58–64.
- Попова Л.Ф. Мужские вышитые шаровары в культуре народов Средней Азии и Казахстана // Евразия — диалог культур: Материалы Двадцать вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург: Российский этнографический музей, 2023. С. 73–80.
- Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. Москва: Наука, 1989.
- Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1955.
- Сергеева Г.А. Одежда в современном свадебном обряде народов Дагестана // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана. Махачкала: Институт истории, языка и литературы, 1988. С. 20–34.
- Токтабай А. Конный мир казахов. Алматы: Алматыкітап, 2022.
- Ускенбай К. (ред.). Культура и быт казахов. Альбом рисунков В.Н. Плотникова 1859–1866 годов. Из собрания Российского этнографического музея. Алматы: АБДИ Компани, 2021.
- Федоров Д. Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ч. I–II. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1903.
- Хадирбеков Н.Б. Свадебные обряды народов Южного Дагестана в прошлом и настоящем (XIX–XX вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Махачкала, 2009. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01004267253.pdf (дата обращения: 11.05.2024).
- Шаниязов К.Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент: Фан, 1964.
- Юдахин К.К. (сост.) Киргизско-русский словарь. В двух книгах. Около 40 000 слов. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской энциклопедии, 1985. Кн. 1–2.
- Юшков С.В. (общ. ред.). Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1948.

Reference

- Alekseev, N. Romanova, E., Sokolova, Z. (ed.). 2012. *Jakuty [Yakuts]*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Asankov, A., Brusina, O., Zhaparov, A. (ed.). 2016. *Kyrgyzy [Qyrgyz]*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Baldaev, S. 1959. *Burjatskie svadebnye obrjady [Buryat wedding rites]*. Ulan-Ude: Buryat book publishing house (in Russian).
- Burnakov, V. 2023. Kon' v svadebnoj obrjadnosti hakasov (konec XIX – seredina XX veka) [Horse in the wedding ceremony of the Khakases (late XIX – mid XX centuries)]. In: *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, philology*, 22 (3), 140–154 (in Russian).

- Divaev, A. 1900. *O svadebnom rituale kirgizov Syr-Dar'inskoj oblasti. O svadebnom rituale kirgizov Syr-Dar'inskoj oblasti* [On the wedding ritual of the Kyrgyz of the Syr-Darya region. About the wedding ritual of the Kyrgyz of the Syr-Darya region]. Qazan: Printing and Lithography of the Imperial University (in Russian).
- Dobrosmyslov, A. 1895. *Skotovodstvo v Turgajskoj oblasti* [Cattle breeding in the Turgai region]. Orenburg: Turgai Regional Statistical Committee (in Russian).
- Do-y, D. 1871. Pjat' nedel' v Kokane [Five weeks in Kokand]. In: *Russkij vestnik* [Russian Bulletin], 91, 244–318 (in Russian).
- Emelianenko, T. (ed.). 2021. *Otchjot S.M.Dudina o poezdках v Srednjuju Aziju v 1900–1902 gg.* [Report of S.M. Dudin on trips to Central Asia in 1900–1902]. Moscow: Marjani Foundation (in Russian).
- Fedorov, D. 1903. *Opyt voenno-statisticheskogo opisanija Ilijskogo kraja* [Experience of military-statistical description of the Ili region]. Part I–II. Tashkent: Printing House of the Headquarters of the Turkestan Military District (in Russian).
- Ibragimov, I. 1872. *Jetnograficheskie ocherki kirgizskogo naroda* [Ethnographic essays of the Qyrgyz people]. In: *Russkij Turkestan* [Russian Turkestan], vol. 2. Moscow: University Printing House (in Russian).
- Karakhanov, S. 2017. Brak i svadebnaja obrjadnost' lezgin-kargachcev v XIX–XX vv. [Marriage and wedding rites of Lezgin-Kargachtsev in the XIX–XX centuries]. In: *Bulletin of the Adyghe State University*, 3 (204), 47–57 (in Russian).
- Karutz, R. 1911. *Sredi kirgizov i turkmenov na Mangyshlake* [Among the Qyrgyz and Turkmens on Mangyshlaq]. St. Petersburg: Publishing House of A.F. Devrien (in Russian).
- Khadirbekov, N. 2009. *Svadebnye obrjady narodov Juzhnogo Dagestana v proshlom i nastojawem (XIX–XX vv.)* [Wedding ceremonies of the peoples of Southern Dagestan in the past and present (19th–20th centuries)]. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Makhachkala. URL: https://new-dissler.ru/_avtoreferats/01004267253.pdf (access date: 11.05.2024) (in Russian).
- Kislyakov, N. 1969. *Ocherki po istorii sem'i i braka u narodov Srednej Azii i Kazahstana* [Essays on the history of family and marriage among the peoples of Central Asia and Qazaqstan]. Leningrad: Science (in Russian).
- Kislyakov, N., Pisarchik, A. 1976. *Tadzhiki Karategina i Darvaza* [Tajiki Karategin and Darvaz]. Issue 3. Dushanbe: Donish (in Russian).
- Kustanaev, Kh. 1894. *Jetnograficheskie ocherki kirgiz Perovskogo i Kazalinskogo uezdov* [Ethnographic essays of the Qyrgyz Perovsky and Qazaly districts]. Tashkent: O.A. Portsev Publishing House (in Russian).
- Nanzatov, B., Sodnompilova, M. 2013. Tradicionnye obrjady zhiznennogo cikla mongol'skih narodov v uslovijah sovremennosti: torgoutskaja svad'ba [Traditional rites of the life cycle of the Mongolian peoples in the conditions of modernity: Torgout wedding]. In: *Vlast'* [Power], 8, 148–151 (in Russian).
- P. 1878. Obychai kirgiz Semipalatinskoj oblasti [Customs of the Qyrgyz of the Semipalatinsk region]. In: *Russkij vestnik* [Russian Bulletin], 137, 22–66 (in Russian).
- Petrova, S. 2010. Tradicija i sovremennost' v hudozhestvennom shit'e konskogo ubranstva [Tradition and modernity in artistic sewing of equestrian decoration]. In: *Gramota*, 2 (6), 58–64 (in Russian).
- Popova, L. 2023. Muzhskie vyshitye sharovary v kul'ture narodov Srednej Azii i Kazahstana [Male embroidered bloomers in the culture of the peoples of Central Asia and Qazaqstan]. In: *Evracija — dialog kul'tur* [Eurasia – dialogue of cultures]. Proceedings of the Twenty-second St. Petersburg Ethnographic Readings. St. Petersburg: Russian Ethnographic Museum, 73–80 (in Russian).

- Radlov, V. 1989. *Iz Sibiri. Stranicy dnevnika [From Siberia. Diary pages]*. Moscow: Science (in Russian).
- Rudenko, S. 1955. *Bashkiry. Istoriko-jetnograficheskie ocherki [Bashkirs. Historical and Ethnographic Essays]*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Sergeeva, G. 1988. Odezhdа v sovremennom svadebnom obrjade narodov Dagestana [Clothing in the modern wedding rite of the peoples of Dagestan]. In: *Brak i svadebnye obychai narodov sovremennogo Dagestana [Marriage and wedding customs of the peoples of modern Dagestan]*. Makhachkala: Institute of History, Language and Literature, 20–34 (in Russian).
- Shaniyazov, K. 1964. *Uzbeki-karluki [Uzbeks-karluks]*. Tashkent: Fan (in Russian).
- Toktabay, A. 2022. *Konnyj mir kazahov [The equestrian world of the Qazaqs]*. Almaty: Almatykitap (in Russian).
- Uskenbay, Q. (ed.). 2021. *Kul'tura i byt kazahov. Al'bom risunkov V.N. Plotnikova 1859–1866 godov. Iz sobraniya Rossijskogo jetnograficheskogo muzeja. [Culture and life of Qazaqs. Album of drawings by V.N. Plotnikov 1859–1866. From the collection of the Russian Ethnographic Museum]*. Almaty: ABDI Company (in Russian).
- Yudakhin, K. (comp.). 1985. *Kirgizsko-russkij slovar' [Qyrgyz-Russian dictionary]*. In two books. About 40,000 words. Frunze: Main edition of the Qyrgyz Soviet Encyclopediya (in Russian).
- Yushkov, S. (ed.). 1948. *Materialy po kazahskomu obychnomu pravu [Materials on Qazaq customary law]*. Vol. I. Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Qazaq SSR (in Russian).



Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest / Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье

Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 01.03.2024

Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами: 13.04.2024

Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 20.05.2024

